

Путь к счастью

Придумать не могу, какой достиг дорогой
В храм изобилия, приятель мой убогой?
Давно ли ты бродил пешком по мостовой,
Едва не в рубище, с поникшей головой?
Тогда ты не имел нередко даже пищи,
Был худ, как труженик или последний нищий!
Теперь защеголял в одеждах дорогих;
В карете щегольской, на четверне гнедых
Летишь, как вихрь, и, пыль взвывая за собою,
Знакомым с важностью киваешь головою!
Сияя роскошью владетельных князей,
Твой дом есть сборище отличнейших людей.
С тобою в дружестве министры, генералы,
Ты часто им даешь и завтраки и балы;
Что прихоть с поваром лишь изобрести могла,
Всё в дань со всех сторон для твоего стола...
Меж тем товарищ твой, служитель верный Феба,
И в прозе, и в стихах бесплодно просит хлеба.
Всю жизнь в учении с дней юных проведя,
Жить с счастьем в ладу не научился я...
Как ты достиг сего, скажи мне, ради бога?
Уметь на свете жить одна к тому дорога!
И тот, любезный друг, бывал уже на ней,
Кто пользу извлекал из глупости людей;
Чьи главны свойства лести, уклончивость, терпенье
И к добродетели холодное презренье...
Сам скажешь ты со мной, узнав короче свет,
Для смертных к счастью пути другого нет.
Хотя с младенчества внимая гласу чести,
Душ мелких ремесло я видел в низкой лести,
Но, угнетаемый жестокою судьбой,
И я к ней прибегал с растерзанной душой;
И я в стихах своих назвал того Катоном,
Кто пресмыкается, как низкий раб, пред троном.
И я Невеждину, за то, что он богат,
Сказал, не покраснев: Ты русский Меценат!

И если трепетать душа твоя привыкла
В восторге пламенном при имени Перикла,
То подивись! я так забылся наконец,
Что просвещения враг, невежда и глупец
И, словом, жалкий Клит, равно повсюду славный,
Воспет был, как Перикл, на лире своенравной!
И всяк, кто только был богат иль знаменит,
У бедного певца был Цесарь, Брут иль Тит!
И что ж? достиг ли я чрез то желанной цели?
Увы! я и теперь, как видишь, без шинели;
И столь хвалимое тобою ремесло
Одно презрение и стыд мне принесло!
Что ж до терпения... его, скажу неложно,
Так много у меня, что поделиться можно.
Ко благу нашему, любезный друг, оно
В удел писателям от неба суждено.
Ах, кто бы мог без сей всевышнего помощи
Снести цензуры суд привязчивый и строгий,
Холодность публики, и колкость эпиграмм,
Злость критик, что дают превратный толк словам,
И дерзких крикунов не дельное сужденье,
И сплетни мелких душ, и зависти шипенье,
И площадную брань помесячных вралей,
И грозный приговор в кругу невежд-судей,
И, наконец, гнев тех, которые готовы
На разум наложить протекших лет оковы!
И, словом, всюду я, куда ни посмотрю,
Лишь неприятности и беспокойства зрю;
С терпеньем всё сношу, узреть плоды в надежде,
Но остаюсь без них, как и теперь и прежде.
По правилам твоим давая ход делам,
Нельзя успеха ждать и зреть плоды трудам.
Искусно должно льстить, чтоб быть льстецом приятным;
К чему приписывал ты добродетель знатным,
Коль ни ее в них нет, ни побужденья к ней!
Как в зеркале себя мы зрим в душе своей,
И мнимых свойств хвала вельмож не восхищает,
Но чаще их краснеть к досаде заставляет;
Не в дружбе жить с тобой ты сам принудишь их,

Но бегать от тебя и от похвал твоих.
Когда же вздумаешь опять за лиру взяться,
То помни, что всегда долг первый твой стараться
Не добродетели в вельможах выхвалять,
Но слабостям уметь искусно потакать.
Грабителю тверди, что наживаться в моде,
Скажи, что всё живет добычею в природе;
Красы увядшей вид унынием зови;
Кокетку старую царицею любви.
Кто ж сластолюбия почти погиб в пучине,
Тому изобрази в прелестнейшей картине
Все ласки нежные прелестниц записных,
И их объятия, и поцелуи их,
И чувства пылкие, и негу сладострастья,
Прибавь, что только в нем искать нам должно счастья.
Невеждам повторяй, что просвещение вред,
Что завсегда оно причиной было бед,
Что наши праотцы, хоть книг и не любили,
Но чуть не во сто крат счастливей внуков жили;
Творца галиматии зови красой певцов,
Дивись высокому в бессмыслице стихов...
Но чтоб без бед пройти по скользкой сей дороге,
Подчас будь глух и нем и забывай о боге;
У знатных бар шути и забавляй собой,
В день другом будь для них, а в сумерки слугой;
Скрыв самолюбие под маской униженья,
С терпением внимай глас гнева и презренья
И, если вытерпишь и боле что-нибудь,
Смолчи, припомнивши, что это к счастью путь!
Располагаясь так, ты будешь всем приятен,
И так богат, как я, и точно так же знатен...
Нет, нет! не уступлю за блага жизни сей
Ни добродетели, ни совести моей!
Не заслужу того, чтобы писатель юный,
Бросающий в порок со струн своих перуны,
Живыми красками, в разительных чертах,
Меня изобразил и выставил в стихах...
Так думая, мой друг, ты в нищете, конечно,
При прозе и стихах останешься навечно!

Но било семь... прощай! Сенатор граф Глупон
Просил меня к себе приехать на бостон!
Сочиненная на польском языке Ф. В. Булгариным.